

вихідного масштабу і загрожує редукуватись до психічних реакцій чи регуляторів, чогось органічного та організмичного, зведеного до масштабів життєвої метушні ось цієї конкретної істоти. З позиції внутрішніх потреб живої істоти зацікавлення якимось артефактом архаїчної давнини, так само, як і сігчастою структурою віддалених скупчень галактик постає нонсенсом, зоологічним парадоксом, який не має іманентних пояснень. Тому у спробах схопити і осягнути феномен свідомості ми повинні накласти один її вимір – онтологічно-космічний – на інший – індивідуально-антропологічний.

Халапсис Алексей Владиславович

*Доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Национальной металлургической академии Украины*

ОПРАВДАНИЕ МЕТАФИЗИКИ?

Как возможна метафизика вообще, как наука – в частности? Этот кантовский вопрос задают себе все те, кто в той или иной степени ей сопричастен. Впрочем, один и тот же вопрос может иметь совершенно разный смысл и содержание применительно к разным эпохам мысли.

Задача обоснования метафизики могла ставиться и рассматриваться с полной серьёзностью во времена Канта, но ныне она потеряла свою эпистемологическую ценность. Нравится это кому-то или нет, но наука есть занятие, которое могут обосновать лишь полученные в ходе процесса занятий ею **результаты**, а чистые и абстрактные рассуждения никакой практической пользы не имеют.

Отсутствие теоретического самообоснования никак не может считаться пороком той или иной науки; это вполне стандартная ситуация, а в некоторых случаях (что видно на примере квантовой механики, да и самой квантовой теории), не только отсутствие эпистемологических обоснований, но даже отсутствие понимания концептуального смысла познавательной модели не препятствует практическому и эффективному её использованию. Конечно, квантовая теория – это крайний случай, и всё же сам факт показателен.

Осмысление тенденций научного развития помогут определить и перспективы самой метафизики. Мне представляется, что, во-первых, необходимо признать бессмысленность попыток обоснования метафизикой (как и философией в целом) самой себя, своего предмета и т.д. Лучшее обоснование – это способность эффективно решать поставленные проблемы. Кем

поставленные? В широком смысле, проблемы ставятся обществом, культурно-исторической ситуацией, сквозь призму которой та или иная тема (проблема) оказывается актуальной или нет. Поэтому не может быть *в прямом смысле* «вечных тем», равно как и «окончательных ответов», и даже уважение к классикам прошлого не может служить поводом и оправданием некритичного восприятия их идей.

К тому же следует иметь в виду, что ответы философов прошлого были даны в познавательной ситуации, отличной от той, которая имеет место «сейчас», аналогично тому, что ситуация «сейчас» будет отличаться от той, которая будет «завтра». Но это означает не то, что все ответы ошибочны и условны, а то, что в процессе роста знания изменяется смысл как ответов, так и самих вопросов; именно это и имел в виду Гегель, иронизируя над намерением рассматривать историю философии лишь как «галерею мнений».

Во-вторых, необходимо отказаться от намерения «раз и навсегда» определить границы как метафизики, так и человеческого разума в целом. Я не утверждаю, что возможности разума безграничны, однако эти возможности лишь отчасти онтологичны, а в остальном культурно-историчны; из этого, в частности, следует для метафизики важнейший вывод: подобно тому, как современные ученые легко решают задачи, которые были не под силу их предшественникам, современная метафизика может браться за решение проблем, с которыми не смогли совладать великие мыслители прошлого.

Та метафизическая концепция эффективна, которая в состоянии предлагать оригинальные ответы на фундаментальные вопросы и при этом создавать *работоспособные* модели исследуемой реальности. Метафизика не может быть не только галереей мнений, но и собранием древностей. Её жизнеспособность напрямую зависит от того, насколько она адекватна запросам современности. Иными словами, обоснование метафизики – это не то, что может «существовать само по себе», вне зависимости от конкретных форм и предметности метафизического дискурса. Обоснование метафизики может быть дано лишь «изнутри» самого дискурса, в ходе его развертывания. Таким образом, в ходе своего становления метафизика становится своим же оправданием.